Вестник Русского сада

Цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд

ВЫПУСК №22 · НОЯБРЬ 2026

Вестник Русского сада

Цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд

Три доктора и музыка

Джером Гросс · Борис Виноградский · Игорь Ефимов · Новая входная площадь · Достоевский

ВЫПУСК №22 · 5 НОЯБРЯ 2026

Три доктора и музыка

В прошлом выпуске мы обещали рассказать о трёх докторах. Вот они. Хирург, который по нескольку часов в день играл на скрипке Страдивари. Хирург, который когда-то играл на баяне и гитаре, но главным его инструментом стало умение собирать людей вокруг общего дела. И учёный, который исследует электрические бури в человеческом сердце — и признаётся, что больше всего хотел бы уметь играть на фортепиано.

У каждого из них своя музыка. А ещё в этом выпуске — новая входная площадь Сада и обещание встречи с Достоевским, в которой тоже не обойдётся без доктора и без скрипки.

Светлана Столярова

Редактор «Вестника Русского сада»

Вторая миссис Гросс

Джером Гросс: хирург, скрипач и его Страдивари

В кливлендской городской больнице было одно помещение, где доктор Джером Гросс мог заниматься на скрипке, никому не мешая. Это был морг.

Не самая романтическая репетиционная комната, но зато единственная достаточно звукоизолированная во всём здании. И когда заведующий хирургическим отделением находил свободный час между операциями, он отправлялся туда со скрипкой.

По свидетельствам современников, Гросс занимался музыкой от одного до шести часов ежедневно. Учитывая его профессию, трудно представить, как ему удавалось находить столько времени. Но, возможно, сам вопрос поставлен неправильно. Для Джерома Гросса скрипка не была отдыхом от хирургии. Обе составляли его жизнь.

Доктор Джером Гросс. Cleveland Public Library.

Пять братьев — пять врачей

Джером Гросс родился 15 мая 1904 года в России, а вырос в Кливленде. Он был старшим из пяти братьев, и все пятеро стали врачами и музыкантами.

Играть на скрипке Джером начал в десять лет. Позднее, чтобы оплатить образование, выступал в театральных оркестрах и гостиничных струнных квартетах. Он учился в Adelbert College, Fordham University и медицинской школе Western Reserve University.

В конце концов победила медицина — во всяком случае, если судить по записи в профессиональных справочниках. Гросс стал хирургом, работал в Mount Sinai, Cleveland Metropolitan General и Women's Hospital, а в городской больнице возглавлял хирургическое отделение.

Однако скрипач в нём не только не исчез, но продолжал совершенствоваться. Гросс учился у выдающихся музыкантов — Тоши Зайделя и Оскара Шумского, занимался камерной музыкой с Артуром Лёссером.

Он выступал с сольными программами, был концертмейстером Cleveland Philharmonic, а также выходил на сцену с Кливлендским оркестром под управлением Джорджа Селла.

По воспоминаниям, сохранившимся в исторических материалах Братеналя, Селл считал, что, пожелай Гросс посвятить себя музыке, он мог бы стать концертмейстером любого оркестра страны.

Это была необычайно высокая оценка. Но Гросс, кажется, не видел необходимости выбирать между операционной и концертной сценой.

Скрипка по имени Kiesewetter

В 1938 году Джером женился на Джанет Мосс. Супруги жили в Братенале, на берегу озера Эри, в доме на Lake Shore Boulevard.

А в 1953 году в их семейной жизни появилась ещё одна драгоценность. У нью-йоркской фирмы Rembert Wurlitzer Гросс приобрёл скрипку Антонио Страдивари, известную под именем Kiesewetter.

Джанет называла инструмент «второй миссис Гросс».

В этом прозвище можно услышать и семейный юмор, и некоторое понимание того, какое место скрипка занимала в жизни мужа.

Kiesewetter принадлежит к знаменитым инструментам кремонского мастера. Своё имя скрипка получила от одного из прежних владельцев — немецкого скрипача и композитора Кристофа Готфрида Кизеветтера.

Так выглядит скрипка Страдивари — правда, не Kiesewetter, а инструмент 1716 года из Museo degli strumenti musicali, Галерея Академии, Флоренция. Фото: Francesco Bini, CC BY-SA 4.0, Wikimedia Commons.

В исторических публикациях о Гроссе встречаются разные даты её изготовления — 1723 и 1731 годы. Специализированный каталог Tarisio относит инструмент приблизительно к 1727 году.

Для Гросса Страдивари была не просто редкостью огромной стоимости. Как вспоминали о нём, она воплощала всё самое совершенное в искусстве.

И всё-таки самое интересное в этой истории — не цена скрипки и даже не имя мастера. В руках хирурга находился инструмент, требовавший той же точности, дисциплины и тонкости движений, которые были необходимы ему в операционной.

Отец и сын

Музыка жила в этом доме не только благодаря Страдивари. В 1955 году Гросс создал дуэт со своим сыном Дэвидом — одарённым пианистом-подростком. Отец и сын дебютировали в камерном зале Severance Hall (сегодня Reinberger Chamber Music Hall) скрипичными сонатами Брамса.

Через три года дуэт выступил в Гарварде, где Дэвид тогда учился. Рецензент студенческой газеты The Harvard Crimson отметил у доктора Гросса уверенную технику, точную интонацию и полный, звучный тон.

Дэвид Гросс тоже стал врачом — рентгенологом. Семейная традиция «врач и музыкант» продолжилась ещё в одном поколении.

Музыка, которую можно вычислить

Но Джером Гросс не ограничивался исполнительством.

Он увлёкся системой музыкальной композиции, созданной русским эмигрантом Иосифом Шиллингером — композитором и теоретиком, который пытался исследовать законы музыки с помощью математики.

Шиллингер разрабатывал методы построения ритма, мелодии, гармонии и музыкальной формы. Среди тех, кто изучал его идеи, были Джордж Гершвин и другие известные американские музыканты.

И вот здесь нас ждёт замечательная архивная находка.

В библиотеке Berklee College of Music в Бостоне хранится коллекция Jerome Gross and Bert Henry Papers on the Schillinger System, 1940–1957.

Это не просто упоминание Гросса в чьих-то воспоминаниях. В собрание входят его учебные работы, упражнения по теории музыки и переписка с Шиллингером. Сохранилось письмо 1942 года, в котором Фрэнсис Шиллингер, жена композитора, сообщает, что курс оплачен полностью. А в письмах, написанных за месяц до смерти Шиллингера, она рассказывает о его болезни и благодарит доктора Гросса за визит.

Можно представить себе человека, который днём оперирует пациентов, вечером репетирует скрипичные произведения, а затем разбирает математические закономерности контрапункта.

Однако архив позволяет сделать и более серьёзный вывод: Гросс относился к музыке не как к развлечению талантливого любителя. Он стремился понять её устройство так же глубоко, как изучал человеческое тело.

Галина, Слава и доктор Гросс

В ноябре 1965 года в Кливленд приехала Галина Вишневская.

Её выступления с Кливлендским оркестром состоялись 11 и 13 ноября в Severance Hall. Американская пресса внимательно следила за гастролями советской певицы, а местные газеты рассказывали не только о её голосе, но и о встречах с кливлендцами.

Среди людей, окружавших Вишневскую во время этого визита, особое место занимал Джером Гросс.

Газетные вырезки, которые мы обнаружили при подготовке предыдущего выпуска «Вестника», позволяют увидеть его в совершенно неожиданной роли.

Доктор Гросс был хозяином дома, где остановилась Галина Вишневская, и помогал ей как переводчик.

Русский язык он освоил самостоятельно. Его интерес к русской культуре давно перерос в дружбу с музыкантами, приезжавшими из Советского Союза, в том числе с Давидом Ойстрахом и Мстиславом Ростроповичем.

Друг доктора Гросса Давид Ойстрах исполняет «Вокализ» Сергея Рахманинова. Имя Рахманинова носит и будущий Музыкальный уголок нашего Сада. (youtube.com/watch?v=3KJs30BD1es)

12 ноября The Plain Dealer опубликовала статью Этель Борос о пребывании Вишневской в Кливленде. На сопровождавшей её фотографии певица запечатлена за роялем в доме Гроссов, рядом с доктором.

THE PLAIN DEAL

Soviet Diva H

By ETHEL BOROS

Star of the Bolshoi Opera Theater in Moscov
Soviet Union's leading female singer, Galina Vishr
who is making her first appearance with the
Orchestra this week, is not the least bit tempe

Miss Vishnevskaya is a small, slightly plu
feminine woman—quite pretty and warmly hum
pink and white complexion neither needs no
makeup.

In an interview at Severance Hall, with Cl
violinist-surgeon, Dr. Jerome Gross, acting as int
Miss Vishnevskaya said her famed cellist husban
lav Rostropovich, will join her here tomorrow ni
performed in Pittsburgh this week and will play i
next week. This is their third U.S. tour.

MISS VISHNEVSKAYA has beautiful tapering
wears pearlescent nail polish and a plain gold
band next to a huge diamond solitaire, which she
very old Russian diamond and was a gift from
band.

When Dr. Gross left the room to answer a ph
Miss Vishnevskaya was able to continue the con
in halting but acceptable English. She spoke of
dren, Olga, 10, and Elena, 7, who are receiving a
education in a special school.

She and her husband will join the children in
for the New Year celebration (Jan. 1-10) when the
have a vacation. There will be presents and a
huge stockings for the children. The holiday isn
Christmas, she said, and only the old people still c
it as a religious holiday.

IN DECEMBER the Rostropoviches will sto
London to make recordings. Benjamin Britten has

Soviet soprano Galina Vishnevskaya gets in a bit of practice at the home of her Cleveland host, Dr. Jerome Gross, 10300 Lake Shore Boulevard, Bratenahl.

Plain Dealer Photo (Richard J. Mieh)

The Plain Dealer, 12 ноября 1965: Этель Борос, «Советская дива — тёплая, человечная». Cleveland Public Library.

В те же выходные у Гроссов остановились скрипач Игорь Ойстрах с женой, а к супруге приехал и Мстислав Ростропович. Ноябрь 1965 года у него выдался особенно насыщенным концертами и переездами.

В этой истории есть и эпизод, который кажется почти придуманным.

Во время знаменитого отключения электричества в Нью-Йорке 9 ноября 1965 года Ростропович и Вишневская оказались в гостинице Warwick. Их номер находился на семнадцатом этаже. Пришлось спускаться по лестнице с багажом и виолончелью.

О случившемся Ростропович рассказывал Гроссу по телефону — по-русски и, судя по газетному пересказу, не теряя чувства юмора.

Но отношения доктора с музыкантами не ограничивались гостеприимством.

В биографическом очерке Уилмы Солсбери, опубликованном Cleveland Arts Prize, упоминается, что Гросс выступал вместе с Ростроповичем и Вишневской на камерном концерте в Reinberger Chamber Music Hall при Severance Hall.

К сожалению, точную дату этого выступления нам пока установить не удалось. Поэтому мы не будем связывать его с конкретным ноябрьским вечером без дополнительных документов.

Однако сам факт совместного музицирования особенно важен. Гросс был для великих артистов не только другом, переводчиком и радушным хозяином. Он был их коллегой по сцене.

И это, пожалуй, говорит о его музыкальном уровне больше любых восторженных эпитетов.

Подробную историю кливлендских гастролей Галины Вишневской, с фотографиями и газетными публикациями 1965 года, мы рассказали в предыдущем, 21-м выпуске

«Вестника Русского сада».

Музыка как общественное дело

Свою любовь к музыке Гросс не ограничивал собственными выступлениями.

Он основал Cleveland Friends of Music — организацию, которая помогала талантливым молодым исполнителям, устраивала концерты и предоставляла стипендии начинающим артистам.

Здесь обнаруживается ещё одна черта его характера.

Человек, которому самому приходилось зарабатывать игрой в театральных оркестрах, чтобы получить образование, впоследствии помогал другим молодым музыкантам найти свою дорогу.

Можно только предполагать, сколько возможностей открылось благодаря его поддержке. Но сама деятельность организации документально подтверждена.

После последнего концерта

Джером Гросс умер в феврале 1969 года, находясь в Лос-Анджелесе у родственников. Ему было 64 года.

В том же году Cleveland Arts Prize посмертно отметил его особой наградой за заслуги перед искусством.

А Cleveland Institute of Music учредил ежегодную премию его имени — Dr. Jerome Gross Prize in Violin.

Эта премия особенно трогательна своим назначением: её присуждают студенту-скрипачу, добившемуся наибольшего прогресса в течение учебного года.

Не обязательно самому знаменитому. Не обязательно тому, кто уже достиг совершенства. А тому, кто больше других продвинулся вперёд.

Возможно, это самая точная память о человеке, который продолжал заниматься по несколько часов в день, несмотря на хирургическую практику, концерты и множество других обязанностей.

Гросс даже заранее придумал себе эпитафию. В ней говорилось о человеке, который не осуществил всего задуманного, потому что его цели были слишком многочисленными и слишком высокими, — но получил огромное удовольствие, пытаясь их достичь.

В этих словах слышится тот же характер, что и в истории с больничным моргом: человек, которому всегда было мало уже достигнутого.

Остались его музыкальные рукописи, воспоминания о концертах, имя на премии Кливлендского института музыки.

И удивительная история хирурга, у которого было две миссис Гросс — Джанет и Страдивари.

ИСТОЧНИКИ

- Bratenahl Historical Society — «Jerome Gross: Surgeon and Renowned Violinist».
- Cleveland Arts Prize — Jerome Gross, M.D., 1969 Special Citation for Distinguished Service to the Arts; очерк Уилмы Солсбери.
- Berklee College of Music, Berklee Archives — Jerome Gross and Bert Henry Papers on the Schillinger System, 1940–1957 (BCA-006).
- Tarisio, Cozio Archive — Antonio Stradivari, Cremona, c. 1727, the «Kiesewetter»; The Stradivari Society — история владельцев скрипки.

- The Harvard Crimson, 14 апреля 1958 года — «The Music and Medicine Man».
- The Plain Dealer, 12 ноября 1965 года — Ethel Boros, «Soviet Diva Here Warm, Human». Cleveland Public Library.

Сорок писем и тысячи связей

Борис Виноградский: хирург, который объединяет людей

В первом очерке нашего выпуска мы познакомились с Джеромом Гроссом — хирургом, который играл на скрипке Страдивари и выступал на концертной сцене. Наш второй герой, доктор Борис Виноградский, тоже хирург и страстный любитель классической музыки. В школе он играл на баяне, в мединституте — на гитаре (девушкам, по его собственному признанию, это очень нравилось). А в Кливленде, познакомившись с Иосифом Коганом и Романом Кацем, которые, по его словам, играли несравнимо лучше, отложил инструменты. Зато у него есть другой замечательный талант — объединять людей.

7 ноября 1991 года — почти ровно тридцать пять лет назад — Борис Виноградский приехал в Берлингтон, штат Вермонт. За плечами осталась жизнь в Советском Союзе, впереди была Америка, где даже опытному хирургу предстояло заново доказывать своё право заниматься медициной.

Первые американские годы. На футболке — «Burlington — Yaroslavl»: Берлингтон и Ярославль — города-побратимы. Фото из архива Бориса Виноградского.

Доктор Борис Виноградский. Фото из архива Бориса Виноградского.

Американская система лицензирования врачей оказалась непростой. Для подготовки к экзаменам требовались специальные курсы, а на них — деньги. Друг одолжил Борису 3500 долларов, чтобы тот мог записаться на подготовительную программу Kaplan.

Впрочем, уже тогда его занимала не только собственная профессиональная судьба.

Доктор Люба Вартиковская прислала ему список примерно сорока врачей российского происхождения, живших в Бостоне. Борис написал каждому письмо. Обычное бумажное письмо — электронная почта ещё не стала привычным способом общения.

Из этих писем постепенно родилась идея, которая определила значительную часть его дальнейшей жизни.

Объединить тех, кто оказался далеко от дома

В конце 1992 года Борис задумал создать национальную организацию русскоязычных врачей. Название он выбрал очень осознанно: Russian American Medical Association — RAMA.

Без дефиса между Russian и American.

Как объясняет сам Борис, речь шла не об организации, связывающей два государства, а об американских врачах российского происхождения. Людях, которые начинали новую жизнь, осваивали другую медицинскую систему, но сохраняли профессиональные знания, язык и желание помогать друг другу.

Постепенно появилось правление, заработал сайт russiandoctors.org, созданный при участии доктора Дмитрия Лозового. К 2003 году ассоциация насчитывала около пятисот членов.

Но RAMA не ограничилась профессиональными встречами.

Медицина без границ

Врачи ассоциации организовывали медицинские миссии в Россию и другие страны бывшего Советского Союза. Они работали с коллегами в Ярославле, Кемерове, Ленинске-Кузнецком, Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Узбекистане.

Особенно важным стало сотрудничество с американским детским кардиохирургом Биллом Новиком, посвятившим многие годы операциям детям с врождёнными пороками сердца.

В воспоминаниях Бориса есть история мальчика из Ярославля, которого удалось привезти в Мичиган для сложной операции на сердце.

Доктор Борис Виноградский за операционным столом. Фото из архива Бориса Виноградского.

За подобными случаями стояла огромная организационная работа: найти специалистов, договориться с больницами, решить вопросы поездки, собрать людей, готовых помочь. И, конечно, найти деньги: поиск финансирования составлял едва ли не самую большую часть этой работы.

Всё это требовало не меньшей настойчивости, чем создание самой ассоциации.

И здесь проявилось качество Бориса Виноградского, которое, кажется, проходит через всю его биографию: умение объединять людей ради дела, которое одному человеку было бы не под силу.

От врачебного сообщества — к Русскому саду

В 2011 году Борис Виноградский вместе со Светланой Столяровой и Сергеем Лебедем стал одним из основателей организации Russian Cultural Garden в Кливленде.

На первый взгляд, между хирургией и созданием культурного сада не так много общего.

Но и здесь всё начиналось с людей, которых нужно было собрать вокруг идеи. Найти единомышленников, убедить, договориться, преодолеть трудности — и постепенно превратить замысел в реальность.

Русский культурный сад стал частью знаменитого ансамбля Cleveland Cultural Gardens, где разные национальные общины рассказывают о своём наследии на языке искусства, архитектуры и памяти.

Борис учредил и Freedom Award Русского культурного сада. В 2025 году её получил Юрий Шевчук — об этом мы рассказывали в 13-м выпуске «Вестника».

Для Бориса это было ещё одним способом сохранять культурные связи, не замыкаясь в прошлом.

Музыка, которая собирала друзей

Примерно в 2015–2016 годах в Кливленде по инициативе Виктории Кабо, много лет курирующей отдел русской литературы в Cleveland Public Library, возник небольшой музыкально-исторический кружок, который вела прекрасная пианистка и знаток музыки Светлана Бахматкова.

Его участники собирались, чтобы слушать музыку, обсуждать композиторов, произведения, исторические обстоятельства их создания. Борис был одним из увлечённых участников этих встреч.

Кружка сегодня уже нет. Но осталась память о вечерах, когда музыка становилась поводом для разговора, открытия и дружбы.

От героя очерка — к интервьюеру

И в этом выпуске «Вестника» Борис Виноградский выступает ещё в одной роли — интервьюера.

Его собеседник — доктор Игорь Ефимов, учёный, исследующий электрические процессы, управляющие работой человеческого сердца, и человек, для которого музыка также занимает особое место в жизни.

Их связывает не только интерес к науке и культуре, но и многолетнее знакомство, начавшееся в кругу русскоязычных учёных и врачей Америки.

А теперь передадим слово самому Борису Виноградскому — и его собеседнику Игорю Ефимову.

Электрические торнадо в человеческом сердце

Игорь Ефимов: из закрытого сибирского города — на передний край американской науки

Игорь Ефимов в лаборатории. Фото из архива Игоря Ефимова.

Когда Игорь Ефимов учился в пятом классе, родители подарили ему книгу с биографиями великих учёных. Он рос в Железногорске — закрытом городе в Сибири, — и эта книга изменила его жизнь. Впервые он узнал, что существуют люди, которых физика и математика увлекают так же сильно, как его самого.

Потом была Красноярская летняя школа на берегу Енисея, где он оказался среди сверстников, столь же увлечённых наукой. А затем — Московский физико-технический институт, легендарный Физтех, о котором он мечтал ещё школьником.

Сегодня Игорь Ефимов — профессор Северо-Западного университета (Northwestern University) и директор Центра сердечно-сосудистой инженерии и технологий. Его исследования посвящены электрическим процессам, управляющим сердечным ритмом, механизмам опасных аритмий и новым подходам к лечению сердечных заболеваний. В 2025 году он стал одним из руководителей исследования, в котором учёные Northwestern создали самый маленький в мире кардиостимулятор — меньше рисового зерна. Он управляется световыми импульсами, растворяется в организме, когда больше не нужен, и создавался прежде всего для новорождённых с врождёнными пороками сердца. Журнал TIME включил эту разработку в список лучших изобретений 2025 года.

Свою самостоятельную научную карьеру он начал в 1994 году в Cleveland Clinic. Именно там, используя разработанную им систему оптического картирования, Ефимов исследовал удивительное явление: вращающиеся волны электрической активности, напоминающие маленькие торнадо внутри сердечной мышцы. Эти электрические возмущения способны нарушать согласованную работу сердца, иногда с угрожающими жизни последствиями.

Кливленд занимает особое место и в истории его семьи. Здесь родился его сын, дочь окончила школу, а жена получила докторскую степень в Case Western Reserve University. Здесь же Ефимов открыл для себя одну из главных радостей профессиональной жизни — преподавание и работу с молодыми исследователями.

Наш разговор выходит далеко за пределы кардиологии. Игорь Ефимов размышляет о научных открытиях и важности умения признавать ошибки, об искусственном интеллекте, интеллектуальной свободе, эмиграции, удивительной истории собственной семьи и о том, что придаёт смысл человеческой жизни.

Но при чём здесь музыка?

Ближе к концу интервью, среди коротких и довольно личных вопросов, Игоря Ефимова спрашивают, каким талантом ему больше всего хотелось бы обладать.

«Я очень хотел бы уметь играть на фортепиано».

Интервью провёл доктор Борис Виноградский — герой предыдущего очерка нашего выпуска и коллега Ефимова по русско-американскому научному сообществу.

Приглашаем читателей присоединиться к их разговору.

ИГОРЬ ЕФИМОВ: НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ

Нынешняя должность

Профессор Северо-Западного университета (Northwestern University), директор Центра сердечно-сосудистой инженерии и технологий (Cardiovascular Engineering and Technology Center, CVET). Центр исследует механизмы сердечно-сосудистых заболеваний и разрабатывает новые методы лечения, уделяя особое внимание нарушениям сердечного ритма и биоэлектронике.

Образование и академическая карьера

- **1992** — дипломы бакалавра, магистра и доктора философии (PhD), Московский физико-технический институт
- **1992–1994** — постдокторские исследования, Питтсбургский университет
- **1994–2000** — научно-преподавательская работа в Cleveland Clinic Foundation
- **2000–2004** — преподаватель и исследователь, Case Western Reserve University
- **2004–2015** — Вашингтонский университет в Сент-Луисе
- **2015–2022** — Университет Джорджа Вашингтона, профессор и основатель кафедры биомедицинской инженерии

- **С 2022 —** профессор Северо-Западного университета, Чикаго

Членство в академиях и профессиональных обществах

Член American Academy of Sciences and Letters. Избранный член (Fellow) Национальной академии изобретателей США (National Academy of Inventors), Американского института медицинской и биологической инженерии (AIMBE), Общества сердечного ритма (Heart Rhythm Society) и Американской кардиологической ассоциации (American Heart Association).

Избранные награды и почётные отличия

- **2025 —** Ralph Lazzara Lectureship Award, Heart Rhythm Society
- **2022 —** премия имени Наранджана Дхаллы, Международная академия сердечно-сосудистых наук
- **2021 —** Distinguished Scientist Award, Heart Rhythm Society
- Премия имени Георгия Гамова, Russian American Science Association (RASA)
- Astor Visiting Fellowship, Оксфордский университет
- Chancellor's Hartwell Prize for Innovative Research, Вашингтонский университет в Сент-Луисе
- Doris J. W. Escher Lectureship, Montefiore Medical Center / Медицинский колледж Альберта Эйнштейна
- Walter Lillehei Lectureship, Миннесотский университет

Кливлендские годы

В 1994 году Игорь Ефимов начал самостоятельную научную карьеру в Cleveland Clinic, а в 2000 году перешёл в Case Western Reserve University, где занял должность Elmer L. Lindseth Associate Professor of Biomedical Engineering. Именно в Кливленде он создал собственную лабораторию, сформировал основные направления исследований и начал многолетнюю работу при поддержке Национальных институтов здравоохранения США (NIH). Здесь же преподавание и научное руководство студентами стали важнейшей частью его профессиональной жизни. Ефимов и его семья прожили в Кливленде десять лет.

Игорь Ефимов: наука,

свобода и человеческая жизнь

Беседовал **доктор Борис Виноградский**

> *Что вдохновило вас заняться наукой и каким своим открытием вы больше всего гордитесь?*

Когда я учился в пятом классе в Железногорске, отдалённом сибирском «закрытом» городе, родители подарили мне книгу, которая изменила мою жизнь, — сборник биографий великих учёных. Она показала мне, что существуют и другие люди, разделяющие моё увлечение наукой и математикой. В школе я часто чувствовал себя одиноким: мало кого из моих одноклассников интересовали физика или биология.

Другой поворотный момент произошёл совершенно случайно. Я узнал о Красноярской летней школе, организованной студентами и преподавателями Красноярского государственного университета, увлечёнными научным образованием. Я оказался в летнем лагере на берегу Енисея, впервые окружённый сверстниками, которые любили науку так же сильно, как я.

Там я также узнал о Московском физико-техническом институте — легендарном Физтехе. Несколько наших преподавателей были студентами МФТИ, и я мечтал стать одним из них. Два года спустя эта мечта осуществилась. Впоследствии я получил в Физтехе степени бакалавра, магистра и доктора наук (PhD).

Особенно я горжусь своей работой по исследованию фазовых сингулярностей, возникающих под воздействием виртуальных электродов в сердце. Сегодня слово «сингулярность» часто встречается в прогнозах, связанных с искусственным интеллектом и технологическим преобразованием человечества. Но моя работа посвящена совершенно другому, строго определённому физическому явлению.

Фазовая сингулярность находится в центре вращающейся волны электрической активности. В сердце такие волны могут напоминать электрические торнадо, нарушающие

согласованные сокращения, необходимые для перекачивания крови. Они играют важную роль в опасных аритмиях, включая фибрилляцию желудочков.

Используя созданную мной в Cleveland Clinic усовершенствованную систему оптического картирования, я наблюдал, как электрический разряд способен нарушать нормальную электрическую активность сердца и порождать эти вращающиеся волны. Ключевой механизм связан с взаимодействием приложенного электрического поля с неоднородностями сердечной ткани, включая рубцы. В результате возникают области электрической поляризации — «виртуальные электроды», способные порождать фазовые сингулярности.

В более широком смысле эта работа показала, как внешнее поле, взаимодействуя с локальными различиями внутри активной среды, может вызывать глубокое нарушение её поведения — сингулярность.

Иногда я вижу здесь аналогию с обществом: внутренняя поляризация в сочетании с разрушительными внешними воздействиями может привести к катастрофической нестабильности и войне. Разумеется, это метафора, а не научная теория общества.

> *Что важнее в науке: интеллект, упорство, интуиция или удача?*

Случай благоприятствует подготовленному уму. Научное открытие требует открытости неожиданному и способности взглянуть на привычные факты под новым углом. Интеллект, настойчивость и интуиция важны, но не менее важно распознать возможность, когда её предоставляет случай. Учёный должен быть готов к счастливым неожиданностям.

И наоборот, жёсткая приверженность традиции или устоявшейся парадигме может стать одним из величайших препятствий на пути к открытию.

> *Случалось ли вам потратить много сил на гипотезу, которая оказалась совершенно неверной?*

Да. Ошибочная гипотеза — нормальная часть жизни учёного. Гипотезы существуют для того, чтобы их проверяли, и мы должны быть готовы отказаться от них, когда этого требуют факты.

К сожалению, научное сообщество нередко относится к исследованиям, основанным на гипотезах, так, словно они обязаны подтвердить первоначальное предположение. Научные журналы и системы финансирования склонны поощрять положительные результаты, тогда как отрицательным уделяется гораздо меньше внимания, а зачастую их даже не рассматривают для публикации.

Это создаёт благоприятную почву для ложных открытий. Исследователи могут быть введены в заблуждение ложноположительными результатами — вследствие добросовестной ошибки, избирательной интерпретации или преднамеренной недобросовестности. Затем другие учёные тратят годы, а иногда и миллиарды долларов, пытаясь разработать методы лечения или технологии на основе результатов, которые невозможно воспроизвести.

Когда репутация человека уже построена вокруг определённой теории, отказаться от неё бывает психологически трудно. Некоторые учёные защищают подобные утверждения десятилетиями. В редких, но получивших широкую огласку случаях расследования выявляют сфабрикованные данные, что приводит к отзыву влиятельных научных публикаций.

Эти неудачи ведут к растрате ресурсов, мешают надёжным исследованиям и подрывают общественное доверие. Наука зависит от нашей готовности принять неприятный результат, в том числе признать, что мы ошибались.

> *Какова величайшая неразгаданная тайна в вашей области науки?*

В биоинженерии множество вопросов остаются без ответа. Насколько далеко мы можем продлить человеческую жизнь? Возможно ли вообще бессмертие? Почему женщины в среднем живут дольше мужчин?

Можем ли мы восстанавливать повреждённые сердца или создавать органы для трансплантации? Можем ли мы сконструировать бионический орган, объединяющий живую ткань с электроникой? Как органы воспринимают окружающую среду, обрабатывают биологическую информацию и приспосабливаются к повреждениям?

И по мере развития искусственного интеллекта — должны ли мы интегрировать его с нашим разумом и, возможно, с самим ощущением собственной личности?

Эти вопросы выходят за пределы инженерии и затрагивают биологию, медицину и философию.

> *Совершит ли искусственный интеллект революцию в биомедицинских исследованиях и сможет ли в конечном счёте заменить учёных?*

Искусственный интеллект — и машинное обучение в частности — используется в научных исследованиях уже несколько десятилетий. Свою первую программу на основе нейронной сети я написал ещё в 1980-х годах, надеясь в реальном времени обнаруживать начало аритмии по электрокардиограмме. Ничего не получилось: вычислительные возможности, которыми я располагал, были слишком ограниченными.

Сегодня родственные методы способны распознавать многие аритмии и извлекать из ЭКГ информацию, которая может быть неочевидна врачу, включая оценку возраста и пола пациента.

Но биомедицинские исследования требуют большего, чем анализ существующих данных. Врач должен обследовать живого пациента и заботиться о нём. Экспериментатор должен

взаимодействовать с физическим миром посредством приборов и измерений. Многие крупные открытия начинаются с создания нового инструмента или метода, позволяющего измерить то, что прежде было недоступно измерению.

Искусственный интеллект поможет нам проектировать эксперименты, анализировать данные и распознавать закономерности. Всё чаще он будет работать и с автоматизированными лабораторными системами. Однако решение о том, какие вопросы действительно важны, разработка новых способов их исследования и интерпретация результатов в биологическом контексте по-прежнему будут требовать человеческого суждения и человеческих рук.

Я ожидаю, что искусственный интеллект преобразит работу учёных. А вот утверждать, что он заменит самих учёных, — это уже куда смелее.

> *Что побудило вас уехать из России и сожалели ли вы когда-нибудь об этом решении?*

Я уехал из России в 1992 году, потому что, как мне тогда представлялось, выбор был прост: либо оставить науку, либо покинуть страну. При правительстве Ельцина финансирование науки рухнуло. Мы с женой, которая тоже занимается наукой, получали каждый примерно по шесть долларов в месяц. Мы не могли содержать семью.

Я никогда не сожалел об этом решении. Оно дало мне возможность работать в научной среде, которую я считаю сильнейшей в мире, — в американском исследовательском сообществе.

Лишь немногие из моих однокурсников, оставшихся в российской науке, смогли построить карьеру, которой заслуживали их способности. Некоторые из тех, кто ушёл из науки в бизнес, добились большого успеха. Но бизнес никогда не был той жизнью, которой я хотел. Я хотел оставаться учёным.

> *Чему вас научило советское или российское научное образование, чего не дало бы американское?*

Для меня главной сильной стороной Московского физико-технического института был его подход к решению задач. Физтех давал серьёзную подготовку по физике, математике, программированию и английскому языку, но самым ценным уроком было умение подступиться к незнакомой научной проблеме.

Выпускник Физтеха выходил из института с уверенностью, что новую область знаний можно освоить, а сложную задачу — разложить на части и понять.

За годы карьеры мои интересы простирались от генетики и ядерной физики до информатики, физиологии сердца и биоэлектроники. Это очень разные области, но интеллектуальный фундамент, полученный в Физтехе, позволил мне исследовать их все и получать от этого удовольствие.

> *Действительно ли научные исследования свободны от политики, денег, профессиональной зависти и личных амбиций?*

Нет. Учёные остро ощущают последствия политических циклов в Америке. Вместе с Анной Крыловой и другими коллегами я писал о политизации и ответной политизации финансирования исследований как при демократах, так и при республиканцах.

Башни из слоновой кости элитных университетов почти не защищают от политиков, стремящихся навязать образованию и науке свои идеологии. Профессиональное соперничество, личные амбиции и неудачи академического руководства могут сделать университеты ещё более уязвимыми перед таким давлением.

На протяжении долгого времени наука пользовалась широким общественным доверием и поддержкой обеих партий. Ослабление этой поддержки угрожает лидерству Америки в науке и технологиях.

> *Как вы относитесь к научной недобросовестности, цензуре и политическому вмешательству в исследования?*

Все три явления подрывают условия, без которых наука невозможна: интеллектуальную честность, открытый поиск и свободу следовать за доказательствами, куда бы они ни вели.

Мы с коллегами обращались к этим проблемам в статьях, написанных во время администраций Байдена и Трампа. Политическое вмешательство наносит ущерб независимо от того, какая партия его осуществляет.

Нарушения научной добросовестности также ослабляют общественное доверие, особенно когда известные исследователи получают значительное финансирование и награды за работы, которые впоследствии оказываются ненадёжными. Между тем разрастающаяся академическая бюрократия может обременять исследования идеологическими требованиями и ограничениями.

Традиционно наука полагалась на критику, воспроизводимость результатов и профессиональную репутацию как на механизмы исправления ошибок. Эти механизмы по-прежнему важны, но не всегда работают так, как должны. Нам необходимо серьёзно задуматься о том, как их укрепить.

> *Россия потеряла многих выдающихся учёных в результате эмиграции. Можно ли когда-нибудь восполнить эту потерю?*

Отъезд талантливых учёных из России имеет долгую историю. Биолог Илья Мечников покинул страну ещё до революции. Здесь, в Чикаго, я живу на том самом месте, где с 1930 по 1952 год жил русский химик Владимир Ипатьев. Он проводил исследования и преподавал в Северо-Западном университете. Почти столетие спустя я занимаюсь тем же самым.

Талантливые люди будут рождаться повсюду, в том числе и в России. Сложная задача заключается в создании институтов, в которых их талант сможет раскрыться. В 2000-х и 2010-х годах я пытался содействовать укреплению российской науки и стал одним из основателей Russian American Science Association (RASA), чтобы помогать созданию демократических научных институтов в России.

Игорь Ефимов в Донском государственном техническом университете, Ростов-на-Дону. Фото из архива Игоря Ефимова.

Нынешний режим Российской Федерации разрушил эти усилия, объявил меня «иностранным агентом», а RASA — «нежелательной организацией». Этот опыт заставил меня глубоко усомниться в возможности восстановить при моей жизни институты, разрушенные при Ельцине и Путине.

Опыт Германии показывает, насколько долговечными могут быть последствия такого разрушения. Уничтожение её научного сообщества при Гитлере положило конец эпохе

выдающегося научного лидерства. Восстановить лаборатории — одно дело; восстановить культуру интеллектуальной свободы и доверия — совсем другое.

Я не ожидаю, что при моей жизни Россия вернётся в десятку ведущих научных держав мира.

> *Считаете ли вы себя российским учёным, американским учёным или просто учёным?*

Наука принадлежит человечеству, а не какой-либо одной стране. Центры научного лидерства на протяжении веков перемещались, и прогресс науки всегда зависел от идей, пересекающих границы.

Я сотрудничаю с исследователями по всему миру и обучаю студентов из разных стран. В этом смысле я просто учёный. Я также американский гражданин, благодарный за возможности, которые дала мне эта страна.

> *Всегда ли Нобелевские премии и другие престижные награды получают те, кто действительно их заслуживает?*

Более сложный вопрос — все ли достойные признания его получают.

Нобелевская премия была учреждена в эпоху, когда крупное открытие ещё можно было относительно легко связать с именем отдельного учёного. Но и тогда исследования зависели от сотрудников и учеников. Сегодня наука ещё очевиднее является результатом коллективного труда.

Ограничение числа лауреатов научной Нобелевской премии тремя людьми неизбежно оставляет за пределами награды исследователей, чей вклад мог быть не менее значительным. Те, кого выбрали, могут вполне заслуживать этой чести, но другие могут заслуживать её ничуть не меньше.

Награды отмечают достижения, но не могут дать полного и безупречно справедливого представления о том, как совершаются открытия.

> *Чему научная карьера научила вас в отношении человеческой природы, смертности и смысла жизни?*

Читая биографии и труды учёных прошлых столетий, я понял, насколько мало изменилась человеческая природа. Нами движут многие из тех же страстей, слабостей и порывов к доброте, что и людьми, жившими пятьсот лет назад.

Наука колоссально изменила условия нашей жизни. Благодаря её применению в медицине мы стали жить дольше, а благодаря технологиям повысилось качество нашей жизни. Но основные человеческие заботы остаются знакомыми.

Собственный опыт научил меня находить смысл и радость в повседневной жизни: в работе над научной проблемой, преподавании студентам, разработке технологии, которая может спасти жизни, и в разговорах с детьми и внуками.

> *Если бы вы могли начать жизнь заново, выбрали бы вы ту же профессию и ту же страну?*

В 1900 году мой прадед Григорий Тололо перевёз семью из Полтавской губернии в Сибирь, где российское правительство предлагало переселенцам землю. Он мог выбрать Америку, как поступали в то время многие украинцы. Но выбрал Сибирь.

Это решение определило судьбу нескольких поколений нашей семьи. Моя бабушка и мать пережили коллективизацию, голод и изнурительный труд. Несколько членов семьи погибли во время Второй мировой войны, которую я считаю катастрофой, вызванной Гитлером и Сталиным. Я родился и вырос в городе, окружённом колючей проволокой и построенном заключёнными ГУЛАГа.

Переехав в Америку, я изменил ход этой семейной истории. Я хотел, чтобы у моих детей и внуков было будущее, свободное от ещё одного столетия правления КГБ и его преемников.

Да, я снова выбрал бы науку и считаю себя счастливым человеком, потому что живу и занимаюсь исследованиями в Соединённых Штатах.

БЛИЦ-ОПРОС: НЕМНОГО О ЛИЧНОМ

Каков для вас идеал счастья?

Чаще видеть троих своих внуков.

Какую роскошь вы позволяете себе чаще всего?

Хорошее бордоское вино — и поездки в Бордо, которыми я наслаждаюсь уже пятнадцать лет.

Что вам больше всего не нравится?

Научная недобросовестность.

Есть ли у вас герой или человек, которому вы хотели бы подражать?

Один из моих героев — Иоганн Кеплер. Он жил во времена потрясений Контрреформации, пережил смерть своих детей, видел гибель друзей и защищал собственную мать от обвинений в колдовстве. Несмотря на всё это, он сформулировал законы движения планет — одно из прекраснейших достижений науки, заложившее основу ньютоновского закона всемирного тяготения.

О чём вы больше всего сожалеете?

О том, что не начал свою научную карьеру в Америке раньше.

Каким талантом вам больше всего хотелось бы обладать?

Я очень хотел бы уметь играть на фортепиано.

Какое качество вы больше всего цените в мужчине?

Быть преданным отцом и дедушкой.

Какое качество вы больше всего цените в женщине?

Материнство.

В каких обстоятельствах вы можете солгать?

Стараюсь этого не делать.

Если бы вы могли изменить в себе что-то одно, что бы это было?

Я хотел бы говорить на большем количестве языков.

Что вы думаете о смерти?

Я её не боюсь. Без смерти не было бы обновления и места для новых поколений.

Есть ли у вас жизненный девиз?

Нет.

Продолжить знакомство с Игорем Ефимовым можно на YouTube: 3 ноября канал «И грянул Грэм» выпустил с ним большое видеоинтервью.

«И грянул Грэм», 3 ноября 2026 года. Темы разговора: этический выбор учёных, наука в сегодняшней России, попытки продлить жизнь, саморастворяющийся микрокардиостимулятор и искусственный интеллект в медицине. (youtube.com/watch?v=pf0uc307euY)

Кузьма Петров-Водкин. Мать. 1913. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея. Общественное достояние.

На вопрос, какое качество он больше всего ценит в женщине, Игорь Ефимов ответил одним словом: «Материнство».

Пусть этот ответ проиллюстрирует картина Кузьмы Петрова-Водкина «Мать». Художник родился 5 ноября 1878 года в Хвалынске на Волге — в день выхода нашего выпуска исполняется 148 лет со дня его рождения.

Новая входная площадь

Строительство завершено

Вход в Русский культурный сад со стороны Martin Luther King Jr. Drive обрёл законченный вид. Цветники по обе стороны центральной дорожки теперь обрамляют невысокие подпорные стенки из серого камня.

Сама площадь, её мощение и аллея, ведущая к бюсту Юрия Гагарина, остались прежними. Новые стенки лишь охватили уже существующие клумбы. Но именно этого много лет не хватало: граница Сада стала ясной, а вход — цельным и торжественным.

Центральная дорожка между новыми стенками цветников. Фото редакции.

У проекта был долгий путь согласований. Его одобрили правление Русского культурного сада и Федерация Кливлендских культурных садов, а 24 сентября окончательное разрешение дала Cleveland Landmarks Commission. Об этом мы рассказывали в 17-м выпуске «Вестника». Не прошло и полутора месяцев, как стенки уже стоят.

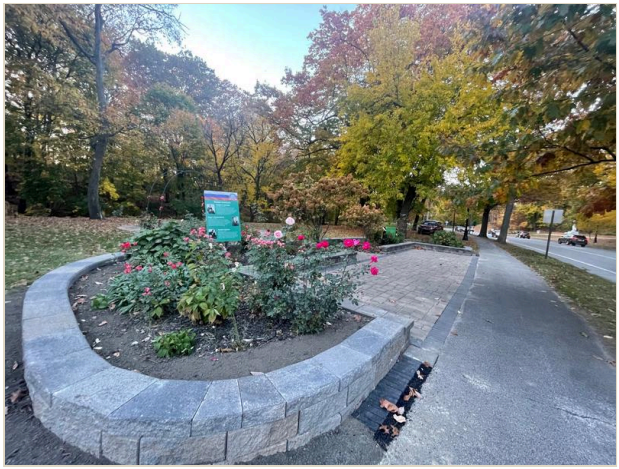
Спасибо!

Благодарим компанию Aurora Landscaping и её владельца и руководителя Мануэля Бальдераса (Manuel Balderas), давнего друга Русского сада, за отлично скоординированную и выполненную работу.

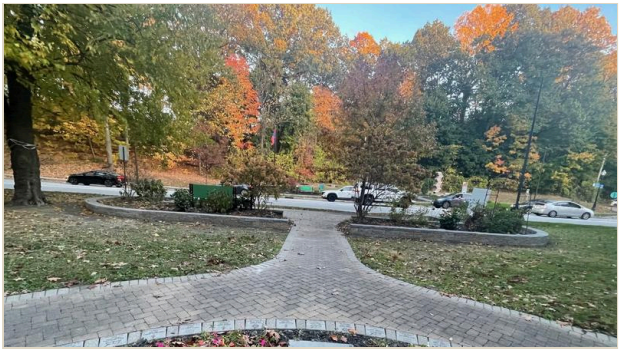
Спасибо всем членам Правления Сада, а также предыдущему руководству организации за прекрасную идею завершить ансамбль площади главного входа в Русский сад.

Огромное спасибо Федерации Кливлендских культурных садов и округу Кайахога (Cuyahoga County) за финансовую поддержку инфраструктурных проектов Культурных садов. В рамках этой программы мы получим грант в размере $5000 — компенсацию части затрат на воплощение проекта.

Отдельная благодарность всем нашим спонсорам из числа друзей Сада: благодаря вашей поддержке наш Сад развивается. Не бывает пожертвований больших или малых. Бывает искреннее желание поддержать Сад русской культуры и его проекты. Спасибо!

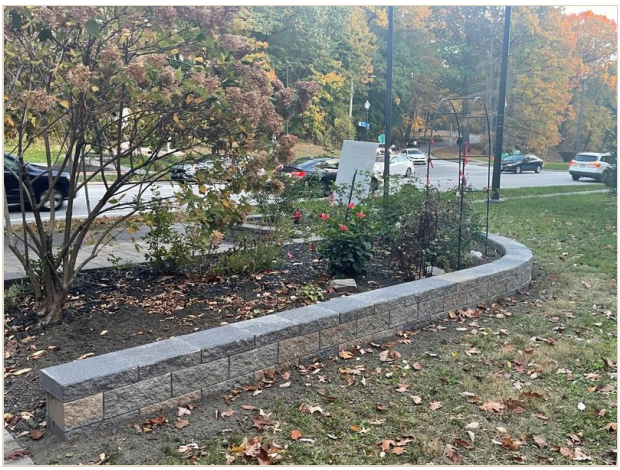
Розы у стенда «Russian Americans».

Вид от круга Аллеи славы к улице.

Входная площадь целиком.

Арка и розы вдоль Martin Luther King Jr. Drive.

Новая входная площадь Русского культурного сада, осень 2026. Фото редакции.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

❦

205 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«Неточка Незванова»: детектив с переводом

11 ноября исполняется 205 лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. Поэтому следующий выпуск «Вестника» выйдет не в четверг, как обычно, а в среду, 11 ноября, — ровно в день рождения писателя. Мы расскажем удивительную историю его первого романа и его нового английского перевода — настоящий детектив.

Перевод сделан по первоначальной редакции «Неточки Незвановой», напечатанной в 1849 году в трёх номерах «Отечественных записок». Это первый английский перевод именно этой версии романа и первый, выполненный носителем русского языка. Его автор — наш четвёртый доктор: Анна Кондратова, доктор биологических наук и, как и Игорь Ефимов, выпускница Физтеха. Иллюстрации к книге создала её дочь, Елена Кондратова. Книга уже вышла и доступна на Amazon.

И ещё одно совпадение, которое трудно придумать: отчима Неточки, скрипача, считающего себя непризнанным гением, зовут Ефимов. Так что и в следующем номере «Вестника» не обойдётся без доктора и без скрипки.

Поддержите Русский культурный сад

Сад живёт благодаря друзьям. Ваше пожертвование помогает ухаживать за Садом, продолжать Аллею славы, создавать Музыкальный уголок Рахманинова и выпускать «Вестник». Для нас важна любая сумма: $10, $25 или $100 — каждый вклад помогает Саду расти.

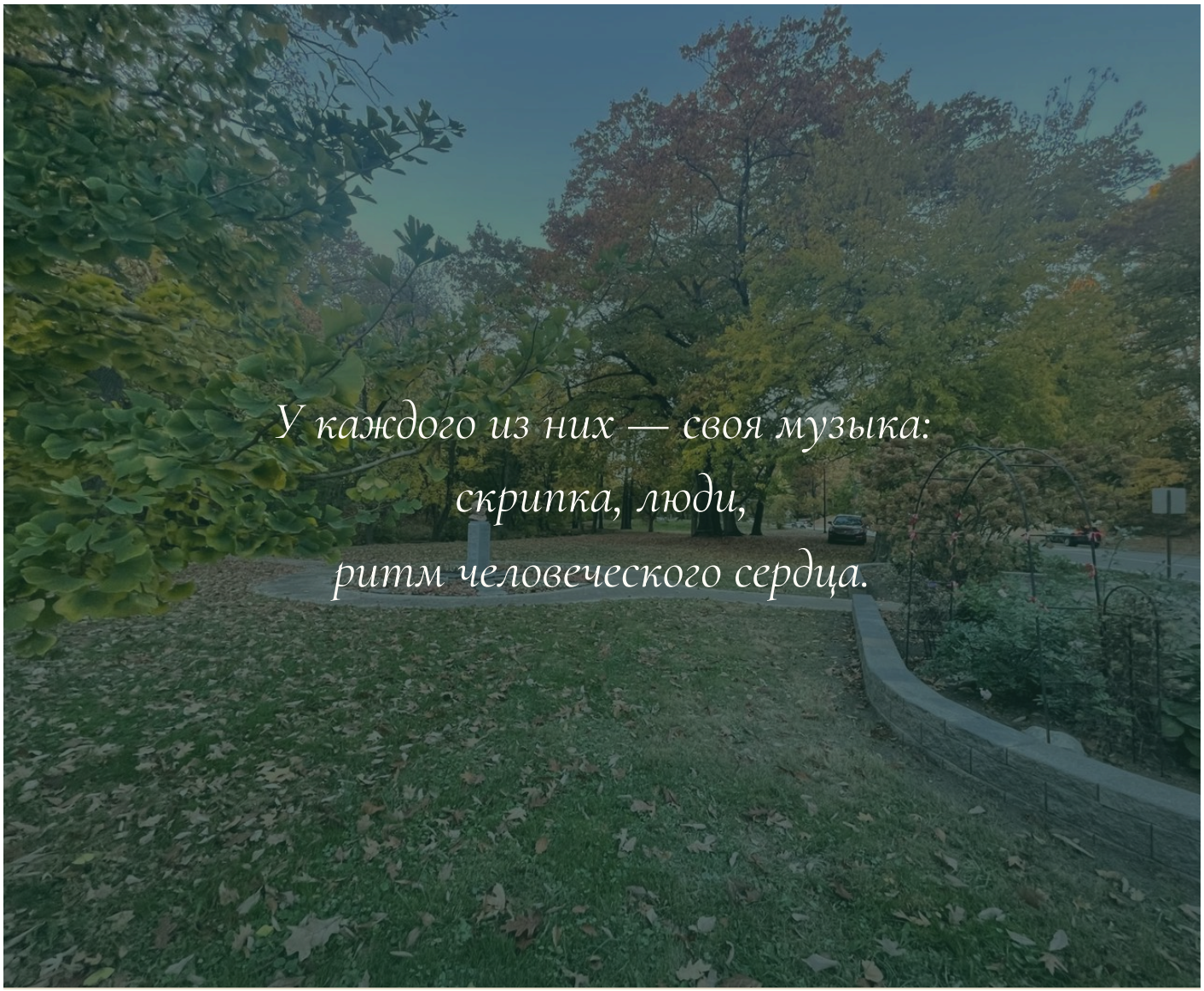
Чтобы увековечить имя на Аллее славы, рекомендуемое пожертвование — **$250**. Имена спонсоров публикуются на RussianGarden.org. Пожертвование можно посвятить в честь или в память дорогого вам человека.

Zelle:

board@russiangarden.org

Russian Cultural Gardens

RUSSIAN Cultural Garden

Оставайтесь на связи

«Вестник Русского сада» — цифровой журнал Русского культурного сада, Кливленд: постоянная летопись жизни Сада для всех, кто когда-либо называл его своим.

Ссылки

САЙТ РУССКОГО САДА

FACEBOOK

THE FORUM OF MINDS

SOCRATESQ

СКАЧАТЬ PDF

АРХИВ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

ПРЕДЫДУЩИЙ ВЫПУСК (№21)

В этом выпуске

ТРИ ДОКТОРА И МУЗЫКА

ВТОРАЯ МИССИС ГРОСС

СОРОК ПИСЕМ И ТЫСЯЧИ СВЯЗЕЙ

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ТОРНАДО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ

НОВАЯ ВХОДНАЯ ПЛОЩАДЬ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Вестник Русского сада · Выпуск №22 · 5 ноября 2026

Выпуск подготовила Светлана Столярова.

Фотографии на обложке, в разделителях и в финале — фото редакции. Фотография доктора Джерома Гросса и газетная вырезка 1965 года — из собрания Cleveland Public Library. Фотографии Бориса Виноградского — из его архива. Фотографии Игоря Ефимова — из архива Игоря Ефимова. Скрипка Страдивари 1716 года — фото Francesco Bini, CC BY-SA 4.0. К. Петров-Водкин, «Мать» (1913) — Государственная Третьяковская галерея, общественное достояние.

Издание Русского культурного сада Кливленда · Read in English